

В. Розановъ.

Апокалипсисъ _____ _____ нашего времени.

1. Кроткая.
2. Что-то такое случилось.
3. Зачѣмъ они звонятъ?
4. Дѣдъ.
5. „Москва слезамъ не вѣритъ“.
6. Объ одномъ народцѣ.
7. Ежедневность.
8. Солнце.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1918.

Кроткая.

Ты не прошла мимо міра, дѣвушка... о, кротчайшая изъ кроткихъ... Ты испуганнымъ и искристымъ глазкомъ смотрѣла на него.

Задумчиво смотрѣла... Любяще смотрѣла... И запѣвала пѣсню... И заплетала въ косу ленту...

И сердце стучало. И ты томилась и ждала.

И шли въ мірѣ богатые и знатые. И говорили рѣчи. Учили и учились. И все было такъ красиво. И ты смотрѣла на эту красоту. Ты не была завистлива. И тебѣ хотѣлось подойти и пристать къ чему-нибудь.

Твое сердце ко всему приставало. И ты хотѣла-бы пѣть въ хорѣ.

Но никто тебя не замѣтилъ и пѣсенъ твоихъ не взяли. И вотъ ты стоишь у колонны.

Не пойду и я съ міромъ. Не хочу. Я лучше останусь съ тобой. Вотъ я возьму твои руки, и буду стоять.

И когда міръ кончится, я все буду стоять съ тобою и никогда не уйду.

Знаешь-ли ты, дѣвушка, что это—„міръ проходитъ“, а—не „мы проходимъ“. И міръ прой-

дети и прошелъ уже. А мы съ тобой будемъ вѣчно стоять.

Потому-что справедливость съ нами. А миръ во-истину несправедливъ.

Что-то такое случилось.

Есть въ мирѣ какое-то недоразумѣніе, которое можетъ быть неясно и самому Богу. Въ сотвореніи его „что-то такое произошло“, что было неожиданно и для Бога. И отсюда собственно ирраціонализмъ, мистика (дурная часть мистики) и неясность. Миръ гармониченъ, и это—„конечно“. Мудръ, благъ и красота, и это—Божіе. Но „хищныя питаются травоядными“—и это ужъ не Божіе. Сова пожираетъ зайчѣнка—тутъ нѣтъ Бога. Бога, гармоніи и добра.

Что такое произошло—этого отъ начала міра никто не знаетъ, и этого не знаетъ и *не понимаетъ* Самъ Богъ. Борются или побѣдить это—тоже безуменъ Самъ Богъ. Такъ „я хочу родить мальчика красиваго и мудраго“, а рождается „о 6-ти пальцахъ, съ придурью и непредвидѣнными пороками“. Такъ

и планета наша. Какъ будто она испугана была чѣмъ-то въ беременности своей, и родила „не по мысли Божіей“, а „нѣсколько иначе“. И вотъ „божественное“ смѣшалось съ „иначе“...

И передъ этимъ „иначе“ покорень и Богъ. Какъ тоскующій отецъ, который смотритъ на малютку съ „иначе“, и хочетъ поправить и не можетъ поправить. И любить „уже все вмѣстѣ“...

Зачѣмъ они звонятъ?

Бомъ. Бомъ. Бомъ. Но уже звукъ пустой.

.....

И отъ того, что подъ колоколомъ нѣтъ вѣнчанія невѣсты и жениха. Тотъ, *другой*,—не помогъ. А *этотъ*, который все-таки помогаль по мелочамъ,—немного, но помогаль,—немного, но старался,—по-земному и глупо, но всѣтаки старался,—усланъ далече.

И не вздохнула невѣста по женихѣ. И я увидѣлъ, что она горбатая.

.....

Эхъ, не горбать вотъ жидъ; написалъ въ мартѣ:

„... Напишите, какъ вы умѣете писать,—*правдиво и страстно*,—мнѣ о „мартовскихъ“ дняхъ. Тутъ зима,—и лютая,—весны еще нѣтъ. Весь этотъ гулъ и шумъ противень моей душѣ. Въ санаторіи уже умерло 4 воина. Смерть сильнѣе всего на этой планетѣ. Есть-ли душа? Есть-ли загробная жизнь? Вотъ это важнѣе всѣхъ революцій! Жаль царя Николая. Догадываюсь, что онъ былъ человѣкъ мягкаго характера и безвольный очень. *Все, все*—пройдетъ, но что будетъ „тамъ“? Вамъ 61 годъ, вы много думали, страдали,—скажите мнѣ вы, дорогой душевный другъ. Лейзеръ. Шацманъ.

Санаторіи „Дергачи“, харьковской губерніи и уѣзда Всероссийскаго Земскаго Союза. № 11 (туберкулезный). (Лично мнѣ не знакомъ).

Д ъ д ъ.

Когда не хочется больше любить, не ждётся одежда, и кушаешь кашку-размазню съ кой-какимъ маслецемъ,—то и называетъ себя естественно „христіаниномъ“.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидятъ.

Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоять.

— Кто ты, дѣдушка?

— Хрестьянинъ... хрестьянинъ...

Или, какъ Достоевскій и софистически и вѣрно перефразироваль:

— „Хрестіанинъ“.

Боже: къ чему догматики, историки, апологеты нагородили столько ерунды, когда дѣло выражается въ одномъ великомъ:

не надо.

„Москва слезамъ не вѣритъ“

— и дѣлаетъ очень глупо. Отъ того она бѣдна. Нужно именно *отрывать*, и—не слезамъ, а—вообще, всегда, до тѣхъ поръ пока получили обманъ: финикіяне въ незапамятную древность, въ началѣ исторіи, приучились вѣрять, и образовали простую бумажку, знакъ особый, который писали, дѣлали, и т. д. Онъ былъ условенъ: и кто давалъ его—получалъ „довѣріе“, и это называлось—*кредитомъ*. Заведшіе это, „довѣрчивые“ люди, но опредѣленно доверчивые, и вмѣстѣ—не по болтовнѣ или

„дружеской бесѣдѣ“, а—дѣловымъ образомъ и для облегченія жизни, стали первыми въ мѣръ по богатству. Не чета русскимъ. Которые даже въ столь позднее время—все нищаютъ, обманываютъ, и—тѣмъ все болѣе и болѣе раззоряются.

Долгъ платежомъ красенъ

— и русскіе выполняютъ и не могутъ не выполнить этого, насколько это установили финикіане (вексель)... Но рѣшительно вездѣ, гдѣ могутъ,—стараятся жить на счетъ другъ друга, обманываютъ, сутенѣричаютъ. И думая о счастіи—впадаютъ все въ большее и большее несчастье.

Объ одномъ народцѣ.

Имъ были даны чудныя пѣсни всѣмъ людямъ. И сказанія его о своей жизни—какъ никакія. И имя его было священно, какъ и судьбы его—тоже священны для всѣхъ народовъ.

Потомъ что-то случилось... О, что-же, что-же случилось?..

Нельзя понять...

Ни одинъ народъ не можетъ. Никто изъ человечества...

Ни мудрецъ, ни ученый, ни историкъ.

И сталъ онъ поругаемымъ народомъ, имя котораго обозначаетъ хулу. И имя котораго, національное имя, стало у cadaго племени ругательнымъ названіемъ всякаго челоуѣка, къ кому оно приложится въ этомъ чужомъ племени.

О, что-же случилось?.. ?...

Больше, больше: будемъ-ли мы читать „Лѣтопись Тацита“—когда томимся? Или—Геродота о скиеахъ и Вавилонѣ? Будемъ-ли читать о Пелопонезской войнѣ — Фукидида? Нѣтъ, нѣтъ: когда въ томленіи душа—то какъ все это чуждо и посторонне... Все это мы изучали-бы, только чтобы прочесть лекцію, написать ученый трудъ, и—, такъ, отъ нѣкотораго бездѣлья“.

Но вотъ—юная вдова, подбирающая колосья пшеницы на полѣ богатаго землевладѣльца: и то, какъ она это дѣлаетъ, — и слова ея своей свекрови,—проливаютъ въ душу утѣшенія. И много еще...

Народъ этотъ пролилъ утѣшеніе во всѣ сердца.

И всетаки онъ проклятъ. Что-же случилось,—о, что такое, особенное???...?

* * *

Сказать: „утѣшеніе“—и это сказать все о томъ народѣ. Читаемъ-ли мы хронику о Мервингахъ у Григорія Турскаго, или изящныя очерки Августина Тъери, написанныя по канвѣ этой хроники,—мы въ обоихъ случаяхъ читаемъ милое, граціозное, прелестное. Но это чтеніе даетъ только наслажденіе вкусу, душа-же остается если не холодною, то спокойною. Но вотъ мы читаемъ о войнѣ, о грозѣ: одинъ царь—побѣдитель, другой—побѣжденъ. Побѣжденный боится за жизнь свою, обыкновенно боится—какъ боялся-бы каждый чловѣкъ, и ищетъ потаённой комнаты во дворцѣ своемъ. Побѣдитель спрашиваетъ о врагѣ своемъ, и ему приближенные передаютъ о

всемъ униженіи и страхѣ, въ какомъ тотъ находится. Вдругъ побѣдитель отвѣчаетъ вовсе не тѣмъ гордымъ, самоувѣреннымъ тономъ, какой такъ естественъ въ самоупоеніи побѣды, и какимъ въ самоупоеніи побѣды говорили *все* цари и полководцы, а—совсѣмъ инымъ, новымъ, неожиданнымъ:

„Зачѣмъ онъ бѣжитъ отъ меня? Онъ—*братъ мой*“.

Кто въ исторіяхъ Ассиріи видалъ, какъ со связанными за спиною руками плѣнникъ стоитъ передъ побѣдившимъ царемъ на колѣняхъ, а ассирійскій царь, поднявъ копье, выкалываетъ ему глаза, и вмѣстѣ приметъ во вниманіе, что переименованіе „врага“ въ „брата своего“ произошло въ ту же самую эпоху, тотъ оцѣнитъ *всю разницу* въ душевномъ строѣ одного и другого. И пойметъ, почему я упорно называю „утѣшеніемъ“ то особое чувство, какое льется на душу читателя отъ исторіи этого единственнаго народа.

И онъ—проклять.

Но тогда чтѣ-же случилось, почему мы также ненавидимъ этотъ народецъ, какъ ассиріане ненавидѣли своихъ враговъ. И, оглядываясь на цивилизацію нашу, не подумаемъ-ли о ней

съ печалью строкъ, сказанныхъ Алексѣемъ Толстымъ:

Ассиріяне шли какъ на стадо волки,
 Въ багрецѣ ихъ и въ златѣ сіяли полки,
 И безъ счета ихъ копыя сверкали окрестъ,
 Какъ въ волнахъ Галилейскихъ мерцаніе
 звѣздъ.

Словно листья дубравные въ лѣтніе дни,
 Еще вечеромъ такъ красовались они;
 Словно листья дубравные въ вихрь зимы,
 Ихъ къ разсвѣту лежали развѣяны тьмы.

Ангель смерти лишь на-вѣтеръ крылья
 простеръ
 И дохнулъ имъ въ лицо, и померкнулъ ихъ
 взоръ,
 И на мутныя очи палъ сонъ безъ конца,
 И лишь разъ поднялись и остыли сердца.

Вотъ расширившій ноздри, повергнутый
 конь,
 И не пышетъ изъ нихъ гордой силы огонь,

И какъ хладная влага на брегѣ морскомъ,
Такъ предсмертная пѣна бѣлѣеть на немъ.

Вотъ и всадникъ лежитъ, распростертый
во прахъ,
На бронѣ его ржа, и роса на власахъ;
Безотвѣтны шатры, у знаменъ ни раба,
И не свищеть копьѣ и не трубить труба.

И Ассиріи вдовѣ слышенъ плачь на
весь міръ,
И во храмѣ Ваала низверженъ кумиръ,
И народъ, не сраженный мечомъ до конца,
Весь растаялъ, какъ снѣгъ, передъ блескомъ
Творца!

И вотъ народъ, который всемірно былъ
утѣшителемъ всѣхъ скорбныхъ, утомленныхъ,
нуждающихся въ свѣтѣ душъ,—теперь во
тьмѣ, и не только самъ безъ утѣшенія, но пи-
наемъ и распинаемъ... Что-же, что такое слу-
чилось? Явно—случилось въ планетѣ и въ
судьбахъ человѣчества?

Ежедневность.

Булочки, булочки..
Хлѣба пшеничнаго..
Мяса-бы немного..

* *
*

Это ужасное замерзаніе ночью. Страшныя мысли приходятъ. Есть что-то враждебное въ стихіи „холода“—организму человѣческому, какъ организму „теплокровному“. Онъ боится холода, и какъ-то душевно боится, а не кожно, не мускульно. Душа его становится грубою, жѣсткою, какъ „гусинная кожа на холоду“. Вотъ вамъ и „свобода человѣческой личности“. Нѣтъ, „душа свободна“—только если „въ комнатѣ тепло натоплено“. Безъ этого она не свободна, а боится, напугана и груба.

* *
*

Впечатлѣнія ѣды теперь главныя. И я замѣтилъ, что, къ позору, и господа и прислуга это равно замѣчаютъ. И уже не стыдится бѣдный человѣкъ, и уже не стыдится горькій человѣкъ. Проѣхавъ на дняхъ въ Москву, прошелся по Ярославскому вокзалу, съ грубымъ желаніемъ видѣть, что ѣдятъ. Прово-

жавшая меня дочь сидѣла грустно, уткнувшись носикомъ въ муфту. Одинъ солдатъ, вывернувъ изъ тряпки огромный батонъ (вѣтой хлѣбъ пшеничный), разломилъ его широкимъ разломомъ и началъ ѣсть, даже не понюхавъ. Между тѣмъ пахучесть хлѣба, какъ еще пахучесть мяса во щажь, есть что-то безмѣрно неизмѣримѣе самаго питанія. О, я понимаю, что въ жертвенникѣ Соломонова храма были сдѣланы *ноздри* и сказано,—*Богъ сказано*,—что онъ „вдыхаетъ туки своихъ жертвъ“.

Солнце.

Заботится-ли солнце о землѣ?

Не изъ чего не видно: оно его „притягиваетъ“ прямо пропорціонально массѣ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній“.

Такимъ образомъ 1-ый отвѣтъ о солнцѣ и о землѣ Коперника былъ глупъ.

Просто—глупъ.

Онъ „сосчиталъ“. Но „счетъ“ въ примѣненіи къ нравственному явленію я нахожу просто глупымъ.

Онъ просто отвѣтилъ **глупо**, негодно.

Съ этого глупаго отвѣта Коперника на нравственный вопросъ о планетѣ и солнцѣ началась пошлость планеты и опустошеніе Небесъ.

„Конечно,—земля не имѣетъ объ себѣ заботы солнца, а только притягивается по кубамъ разстояній“.

Тьфу.

Сергіевъ посадъ. Типографія И. Иванова.

РАССКАЗЫ
ГОСПОДИНА ИВАНОВА
ИВАНОВА